

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

УДК 37.013.42:004.738.5
ББК 446.01+397

DOI 10.26170/2079-8717_2021_06_08
ГРНТИ 14.01.11; 15.81.21

Код ВАК 13.00.01 (5.8.1); 19.00.07 (5.3.4)

Назаров Владимир Лазаревич,

доктор педагогических наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; профессор, Институт развития образования Свердловской области; 620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Академическая, 16; e-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

Авербух Наталья Владимировна,

старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: natalya_averbukh@mail.ru

Буйначёва Анна Владиславовна,

заведующий лабораторией, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.v.buinacheva@urfu.ru

КИБЕРБУЛЛИНГ ВНУТРИ И ВНЕ ШКОЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: подростки; общеобразовательные учебные заведения; кибербуллинг; травля в интернете; Интернет; интернет-пространство; интернет-технологии; интернет-коммуникации; школьные коллективы.

АННОТАЦИЯ. Основной **проблемой** данного исследования является кибербуллинг среди детей школьного возраста. Насколько это явление распространено в Свердловской области? Какие формы принимает кибербуллинг? Есть ли отличия между кибербуллингом внутри школьного коллектива, который является, по сути, переносом школьной травли в Интернет, и кибербуллингом вне школьного коллектива?

Целью данной работы является изучение проблем кибербуллинга внутри и вне школьных коллективов и сопоставление статистических данных по кибербуллингу внутри и вне школьных коллективов между собой.

Методология и методы исследования. Основным методом исследования – опрос в населенных пунктах Свердловской области, выполненный в форме анкетирования при поддержке Института развития образования Свердловской области в рамках научного проекта № 19-29-14176. Также применялся статистический метод – угловой коэффициент Фишера.

Основные результаты. Кибербуллинг в школе практически для всех ролей, кроме агрессора, представлен чаще, чем кибербуллинг вне школы. При этом половина форм кибербуллинга для жертвы встречаются чаще внутри школьного коллектива, для ролей преследователей (агрессор, подстрекатель, рядовой участник) – с равной частотой внутри и вне школьного коллектива. Большинство отдельных форм кибербуллинга респондентами, указавшими на роль свидетеля, чаще наблюдается вне школьного коллектива. Однако намеренное игнорирование в чатах и сообществах как форма травли в любой роли чаще встречается внутри школьного коллектива.

Научная новизна результатов. Показана текущая ситуация по кибербуллингу в Свердловской области. Также показаны отдельные формы кибербуллинга. Демонстрируются отличия проявлений форм кибербуллинга внутри и вне школьного коллектива.

Практическая и теоретическая значимость состоит в первую очередь в фиксации состояния дел относительно интернет-травли среди школьников как внутри школьных коллективов, так и вне их. Также результаты статьи могут быть использованы при разработке методичек (памяток) для учителей для выявления конкретных форм кибербуллинга.

Содержательные выводы. Результаты проведенного опроса показывают, что кибербуллинг внутри школьного коллектива встречается чаще, чем вне школьного коллектива. При этом доля агрессоров в кибербуллинге внутри школьного коллектива и вне его совпадает. По всей видимости, это связано с тем, что агрессор в данном опросе – тот, кто нападает сам, по своему желанию, а не по чьему-то предложению/приказу, и это зависит в первую очередь от характера, а не от взаимодействия с остальным коллективом. Отдельные формы, как правило, указывают на прямой перенос офлайн-методов травли в онлайн при наличии возможности (бойкот, игнорирование); формы, присущие по преимуществу онлайн-коммуникации, доминируют во внешкольной травле. Требуются обучение школьников навыкам безопасного поведения в сети Интернет, развитие безопасных интернет-сервисов и служб психологической и технической поддержки онлайн.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Назаров, В. Л. Кибербуллинг внутри и вне школьного коллектива / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух, А. В. Буйначёва. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 6. – С. 69-79. – DOI: 10.26170/2079-8717_2021_06_08.

БЛАГОДАРНОСТИ: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-29-14176. Авторы статьи выражают признательность Институту развития образования Свердловской области за содействие в организации и проведении мониторинговых исследований.

Nazarov Vladimir Lazarevich,

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Professor, Institute for the Development of Education of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia

Averbukh Natalia Vladimirovna,

Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Buinacheva Anna Vladislavovna,

Head of Laboratory, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

CYBERBULLYING INSIDE AND OUTSIDE THE SCHOOL COLLECTIVES

KEYWORDS: adolescents; general educational institutions; cyberbullying; bullying on the Internet; Internet; internet space; Internet technologies; internet communications; school teams.

ABSTRACT. The **main problem** of this study is cyberbullying among school-age children. How widespread is this phenomenon in the Sverdlovsk region? What forms does cyberbullying take? Are there any differences between cyberbullying inside the school team, which is, in fact, the transfer of school bullying to the Internet, and cyberbullying outside the school team?

The **purpose** of this paper is to study the problems of cyberbullying inside and outside school collectives and to compare statistical data on cyberbullying inside and outside school collectives with each other.

Methodology and methods of research. The main research method is a survey in the settlements of the Sverdlovsk region, carried out in the form of a questionnaire with the support of the Institute for the Development of Education of the Sverdlovsk Region within the framework of scientific project No. 19-29-14176. A statistical method is the Fisher angular coefficient.

The main results. Cyberbullying at school for almost all roles, except the aggressor, is presented more often than cyberbullying outside of school. At the same time, half of the forms of cyberbullying for the victim are more common within the school team. Most of the forms for the roles of persecutors (aggressor, instigator, ordinary participant) occur with equal frequency inside and outside the school team. Most of the forms of cyberbullying by respondents who indicated the role of a witness are more often observed outside of the school team. However, intentional ignoring in chats and communities as a form of bullying in any role is more common within the school team.

Scientific novelty of the results. The current situation of cyberbullying in the Sverdlovsk region is shown. Separate forms of cyberbullying are also shown. The differences between the manifestations of forms of cyberbullying inside and outside the school team are demonstrated.

The practical and theoretical significance consists primarily in fixing the state of affairs regarding Internet bullying among schoolchildren both inside and outside of school collectives, and the results of the article can also be used in the development of manuals (memos) for teachers to identify specific forms of cyberbullying.

Meaningful conclusions. The results of the survey show that cyberbullying within the school team is more common than outside the school team. At the same time, the share of aggressors in cyberbullying within the school team and outside it coincides. Apparently, this is due to the fact that the aggressor in this survey is the one who attacks himself, at will, and not at someone's suggestion / order, and this depends primarily on the character, and not on interaction with the rest of the team. Individual forms, as a rule, indicate the direct transfer of offline methods of bullying to online, if possible (boycott, ignoring); forms inherent primarily in online communication dominate in extracurricular bullying. It is required to teach students the skills of safe behavior on the Internet, the development of secure Internet services and psychological and technical support services online.

FOR CITATION: Nazarov, V. L., Averbukh, N. V., Buinacheva, A. V. (2021). Cyberbullying Inside and Outside the School Collectives. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 6, pp. 69-79. DOI: 10.26170/2079-8717_2021_06_08.

ACKNOWLEDGEMENTS: the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the scientific project No. 19-29-14176. The authors of the article express their gratitude to the Institute for the Development of Education of the Sverdlovsk Region for assistance in organizing and conducting monitoring studies.

Введение. Статья продолжает цикл исследований буллинга и кибербуллинга среди обучающихся школьного возраста. В данной статье рассматривается кибербуллинг внутри и вне школьного коллектива, сравниваются проявления различных форм и ролей. Под кибербуллингом внутри школьного коллектива понимаются издевательства, которым одни учащиеся подвергают других в чатах и сообществах класса/учебного заведения, то есть такие, при котором преследователи и жертвы знакомы между собой и постоянно общаются

внутри школьного коллектива. Под кибербуллингом вне школьного коллектива понимаются издевательства в Интернете, направленные на посторонних преследователей людей, с которыми он или она познакомился посредством интернет-общения, а не лично. Отечественные исследователи Е. В. Бочкарева и Д. А. Стренин, рассматривая кибербуллинг с юридической точки зрения, предлагают следующее определение: «умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление

жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи» [2, с. 92–93]. Площадками для кибербуллинга могут являться различные интернет-платформы: блог-платформы, социальные сети, видеохостинги [1].

Иногда кибербуллинг связан с отношениями внутри школьного коллектива, как показано в работе 2020 года, посвященной школьной травле в Индонезии: 10% издевательств в школе связаны с кибербуллингом, например дети дразнят товарищей через социальные сети, оставляют им негативные комментарии [8]. В других случаях он полностью автономен от школы.

Вызванное пандемией дистанционное обучение сделало проблематику кибербуллинга в школе более актуальной. Данная статья носит поисковый характер. Основная проблематика, рассматриваемая в этой работе:

1) уровень вовлеченности учащихся средних учебных заведений Свердловской области в кибербуллинг внутри и вне школьных коллективов;

2) представленность в процентном отношении тех или иных форм кибербуллинга внутри и вне школьных коллективов.

Цель данной работы – изучение проблем кибербуллинга внутри и вне школьных коллективов и сопоставление статистических данных по кибербуллингу внутри и вне школьных коллективов между собой.

Обзор литературы. Тема травли в Интернете на сегодняшний день всесторонне изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями. В недавней работе Л. П. Кнышовой и ее коллег тема кибербуллинга рассматривается применительно к сфере высшей школы, в том числе в отношении уязвимых групп учащихся (на примере студентов с ОВЗ) [4]. Далеко не всегда кибербуллинг становится известен учителям и администрации, как показывает работа [9]. В отечественной работе 2017 года Е. Н. Волкова и И. В. Волкова рассмотрели связь между школьным буллингом и кибербуллингом, однако из работы не до конца понятно, идет ли речь о кибербуллинге внутри того же школьного коллектива или о кибербуллинге вне его [3]. В работе, опубликованной в 2018 году группой британских исследователей, проводится теоретический анализ кибербуллинга как разновидности школьного буллинга. Результаты анализа показали, что у школьной травли и кибербуллинга есть общие факторы, вызывающие и школьную травлю, и кибербуллинг, есть и различающиеся [15].

В 2008 году 20 406 школьников Массачусетса участвовали в опросе, посвященном школьному буллингу и кибербуллингу.

В общей сложности 15,8% учащихся сообщили о киберзапугивании и 25,9% сообщили об издевательствах в школе за последние 12 месяцев. Большинство (59,7%) жертв кибербуллинга также были жертвами издевательств в школе; 36,3% жертв издевательств в школе также были жертвами издевательств в Интернете [13].

Данные, приведенные в отечественной работе 2021 года, показывают: согласно результатам опроса 234 респондентов, подвергались кибербуллингу 70,9% опрошенных, из них только 6,6% – несовершеннолетние респонденты (16–18 лет) [2]. Исследование, проведенное А. А. Бочавер, К. Д. Хломовым и Д. Г. Давыдовым в 2019 году с участием московских подростков 11–16 лет (5–9-е классы), показало: с кибербуллингом в той или иной форме сталкивались почти три четверти опрошенных – 72%, при этом 39% опрошенных были и жертвами, и обидчиками. 29% респондентов воспринимают кибербуллинг как рядовую ситуацию. Возрастная динамика отношения к нему показательна. В пятых классах онлайн-травлю считают «обычной историей для общения в Интернете» лишь 9% респондентов. В девятых классах таких ответов вчетверо больше – 38% (цитируется по [5]).

Уже в прошлом десятилетии встал вопрос о значимости кибербуллинга как явления и о его влиянии на психическое состояние жертвы. Как указано в работе латвийских ученых G. Marzano и V. Lubkina, для молодежи Интернет и реальная жизнь становятся единым целым, формируя электронную реальность. На фоне проникновения киберреальности в реальный мир кибербуллинг становится все более значимым явлением, и даже деанонимизация не предотвращает издевательств в Интернете [10]. Аналогично исследование группы японских ученых показало: для лучшего понимания подростков необходимо учитывать не только их реальную жизнь, но и их «кибержизнь», их активность в Интернете. Превращение подростка в жертву кибербуллинга негативно сказывается на его психическом здоровье [17].

Трудность изучения кибербуллинга связана с тем, что далеко не все респонденты готовы признаваться в том, что участвуют в кибербуллинге, все равно в какой роли, и тем более не готовы признаваться в том, что играют роль преследователей, как это показало турецкое исследование [14].

Важен вопрос не только прямых участников, но и свидетелей кибербуллинга. Этой теме посвящены две работы бельгийского коллектива [6; 7]. В более ранней работе описано влияние посторонних на решение свидетелей кибербуллинга поддержать

агрессора или его жертву, в работе 2019 года – как именно подростки оказывают поддержку жертвам на онлайн-форумах доверия. Также в 2016 году группа немецких исследователей изучила склонность свидетелей кибербуллинга вмешиваться в ситуацию. Люди тем более склонны вмешиваться, чем серьезней ситуация травли, однако большое количество наблюдателей (до нескольких тысяч человек) снижает эту готовность [12]. Как показывает работа китайского коллектива, на готовность свидетелей помогать жертве кибербуллинга могут влиять разные факторы, например травматический опыт, связанный с травлей в прошлом, а также эмпатический стресс, вызванный наблюдением за кибербуллингом [16].

Встает вопрос о формах кибербуллинга. В статье, посвященной буллингу и кибербуллингу среди школьников Румынии, приводятся такие формы кибербуллинга, как оставление неприятных комментариев, создание фейковых аккаунтов для осуществления кибербуллинга и распространение неприятной для жертвы информации. Наиболее распространенной была публикация раздражающих комментариев, после чего следовали запреты в онлайн-чатах или группах мессенджеров. Ложные профили в социальных сетях также были одним из самых частых актов кибербуллинга. О распространении слухов и унижениях в Интернете сообщило большинство студентов [11]. Е. В. Бочкарева и Д. А. Стренин описывают другие формы кибербуллинга: клевета (31,3% среди жертв кибербуллинга), харрасмент (отправка оскорбительных сообщений и комментариев), киберпреследование (22,3% среди жертв кибербуллинга), хеппислепинг (снятие на видео реальных сцен насилия, избиения, убийств с последующим его размещением в сети Интернет, 1,2% от жертв кибербуллинга); самозванство, которое рассматривается в двух формах: использование чужого взломанного аккаунта (63,9%) и создание копии аккаунта жертвы (в 18,7% случаев). Кроме того, как формы кибербуллинга приводятся перепалки (60,25%) и доксинг (англ. Doxing) – публичное раскрытие личных и конфиденциальных данных через Интернет (42,2%) [2, с. 92-93].

Изучая литературу на тему кибербуллинга, в том числе и школьного, можно заметить, что в большинстве работ не проводится принципиальных различий между кибербуллингом внутри и вне школьного коллектива. Сравнение этих двух явлений будет проведено в данной статье.

Методика. В качестве **метода исследования** был использован опрос в населенных пунктах Свердловской области, выполненный в форме анкетирования при

поддержке Института развития образования Свердловской области в рамках научно-го проекта № 19-29-14176.

Участники: 1762 учащихся школ и учреждений среднего профессионального образования, из них:

- 4,7% – учащиеся начальной школы (1–4 классы);
- 71,9% – учащиеся средней школы (5–9 классы);
- 22,2% – учащиеся старшей школы (10–11 классы);
- 1,2% – учащиеся учреждений среднего профессионального образования.

В Екатеринбурге проживает около 27% из всех респондентов, остальные проживают в Свердловской области.

Из четырех смысловых частей анкеты в данной статье рассматриваются вторая и третья. Вторая часть посвящена кибербуллингу внутри школьного коллектива, когда все роли заняты учащимися одного класса/учебного заведения (раздел «Кибербуллинг в школе»), третья часть – кибербуллингу, не связанному с учебным заведением (раздел «Кибербуллинг вне школы»). Структура этих частей практически совпадает. На каждый вопрос предлагались ответы «никогда – редко – часто – всегда».

Каждый раздел разбит на блоки, соответствующие ролям в кибербуллинге: жертвы (те, на кого направлена агрессия), агрессоры (те, кто нападают на жертв), подстрекатели (те, кто предлагают другим нападать на жертв), рядовые участники (те, кто присоединяются к травле) и свидетели (те, кто наблюдают за кибербуллингом, не вмешиваясь в него).

В начале каждой части был задан вопрос-дискриминатор, предназначенный отделить тех респондентов, которые имеют опыт жертвы / агрессора / подстрекателя / участника / наблюдателя, от тех, с которыми ничего подобного не случилось. Это сделано для того, чтобы сократить число вопросов, на которые отвечает каждый конкретный респондент. Если учащийся отвечал «никогда» на вопрос, имел ли он или она опыт жертвы (и т. п.), он переходил к следующему блоку вопросов, если был дан ответ «редко/часто/всегда», то респондент отвечал на все вопросы этого блока и т. п.

Во второй и третьей частях были заданы вопросы о случаях:

- намеренного игнорирования постов, комментариев и сообщений в групповых чатах (вопрос не был задан в блоке «Кибербуллинг в школе: агрессор», поскольку игнорирование, чтобы быть не личным выбором, а частью травли, должно быть массовым);
- насмешек, издевательств, оскорблений, троллинга и т. п. в комментариях, ча-

тах, на форумах и т. п.;

- создания фото- и видеоконтента с целью издеваться над жертвой;
- создания фейковых аккаунтов для издевательств над жертвой;
- отправки сообщений, содержащих объективно оскорбительные, шокирующие или обидные лично жертве изображения, видеоролики и т. п.;
- публикации компрометирующей информации о жертве, в том числе недо-

верной;

- «заваливания» негативными сообщениями;
- взлома и создания копии аккаунта жертвы в социальных сетях.

Статистические методы. В рамках данной работы использовался угловой коэффициент Фишера для определения значимости различий между долями представленности различных форм кибербуллинга.

Результаты и обсуждение.

Таблица 1

Количество и процентные доли участников различных форм кибербуллинга в школе и кибербуллинга вне школы, $\phi^*_{кр} = 1,64$ ($p < 0,05$)

	Жертва	Агрессор	Подстрекатель	Участник	Свидетель
Кибербуллинг в школе	360 20,4%	136 7,7%	82 4,7%	112 6,4%	360 20,4%
Кибербуллинг вне школы	175 9,9%	125 7,1%	52 3,0%	77 4,4%	241 13,7%
Угловой коэффициент Фишера, ϕ^*	8,40	0,56	2,37	2,62	4,75

Примечание: здесь и далее в таблицах жирным шрифтом выделены эмпирические значения углового коэффициента Фишера, не превышающие критическое значение для первого уровня значимости.

Из таблицы 1 видно, что все роли кибербуллинга больше представлены во внутришкольных коллективах, чем при общении в сети вне школы. Для определения статистической достоверности различий между ними был рассчитан угловой коэффициент Фишера, предназначенный для определения значимости различий между долями различных показателей, $\phi^*_{кр} = 1,64$ ($p < 0,05$) для первого уровня значимости. Различия считаются недостоверными, если эмпирическое значение ниже критического для первого уровня значимости.

Оценивая эмпирические значения углового коэффициента Фишера, мы можем видеть, что доли всех ролей, кроме роли агрессора, значимо отличаются между теми, кто участвовал в кибербуллинге внутри школьного коллектива, и теми, кто участвовал в кибербуллинге вне школьного коллектива.

Процент жертв кибербуллинга, а также подстрекателей (тех, кто приглашает других поучаствовать), рядовых участников и свидетелей выше внутри школьного коллектива, то есть дети чаще подвергаются и

подвергают интернет-травле своих одноклассников, чем посторонних людей, и также чаще наблюдают за происходящей интернет-травлей именно внутри школьного коллектива.

Легко объяснить, почему процент агрессоров при внутришкольном и внешкольном кибербуллинге совпадает, тогда как доля подстрекателей и рядовых участников при внутришкольной интернет-травле выше. По всей видимости, склонность травить в Интернете и вообще вести себя агрессивно не зависит от окружения, тогда как для того, чтобы подстрекать остальных, нужно влияние на коллектив, а чтобы следовать за чужим призывом, нужно влияние призывающего на субъекта. У подстрекателя в школьном коллективе есть влияние на товарищей, у рядового участника есть причины слушать подстрекателя внутри школьного коллектива. Вне коллектива этого нет.

В последующих таблицах представлены процентные доли различных форм кибербуллинга у различных ролей.

**Процент конкретных форм кибербуллинга
в школьных коллективах и за его пределами среди жертв**

	Намеренное игнорирование в чатах и сообществах	Насмешки, «троллинг» и оскорбления в чатах и сообществах	Создание компрометирующих жертву фото- и видеоматериалов	Создание фейкового аккаунта с целью вступить в близкие отношения с жертвой и использовать это против жертвы	Создание фейкового аккаунта, чтобы оставлять неприятные для жертвы комментарии в социальных сетях и блогах	Создание фейкового аккаунта с целью ставить жертве «дизлайки», снижая таким образом рейтинг создаваемого жертвой контента
В школе	70,8%	50%	57,2%	28,1%	22,8%	17,8%
Вне школы	52,6%	42,3%	42,9%	25,7%	25,7	25,7%
φ*	4,05	1,75	3,05	0,49	0,76	2,11
	Создание фейковых аккаунтов с целью посылать жертве оскорбления и угрозы	Получение жертвой сообщений, содержащих картинки, «мемы» или видео шокирующего/оскорбительного характера	Распространение о жертве неприятной, возможно, ложной информации	«Заваливание» жертвы неприятными сообщениями	Взлом аккаунта жертвы с целью отправки контактам жертвы компрометирующих и/или оскорбительных сообщений	Создание копии аккаунта жертвы с целью отправки компрометирующих и/или оскорбительных сообщений контактам жертвы
В школе	82,2%	37,2%	39,2%	45%	14,4%	9,4%
Вне школы	22,3%	33,7%	36,6%	52%	25,7%	14,9
φ*	13,99	0,68	0,44	1,52	3,29	1,82

Хотя респонденты чаще сталкивались с кибербуллингом внутри школьных коллективов, чем вне их, по конкретным формам картина не настолько однозначна. Анализируя результаты, следует помнить, что при использовании агрессором «фейкового» аккаунта, а также при взломе или создании копии аккаунта жертвы жертва не имеет возможности однозначно определить личность агрессора и поэтому может ошибаться, отвечая на соответствующие вопросы.

Представляет интерес тот факт, что агрессоры к большинству приведенных форм буллинга прибегают со статистически равной частотой внутри и вне школьного

коллектива (см. табл. 3). Эта же тенденция повторяется среди подстрекателей (см. табл. 4) и рядовых участников (см. табл. 5).

Большой процент создававших компрометирующие фото- и видеоматериалы среди агрессоров в кибербуллинге в школе объясняется, по-видимому, тем, что фотографировать или снимать видео проще внутри коллектива, со знакомыми людьми. С другой стороны, причина может быть в том, что жертва, которую агрессор знает лично, вызывает больше желания причинить ей вред и этот вред запечатлеть для последующих издевательств.

Таблица 3

Процент конкретных форм кибербуллинга в школьных коллективах и за его пределами среди агрессоров

	Намеренное игнорирование в чатах и сообществах	Насмешки, «троллинг» и оскорбления в чатах и сообществах	Создание компрометирующих жертву фото- и видеоматериалов	Создание фейкового аккаунта с целью вступить в близкие отношения с жертвой и использовать это против жертвы	Создание фейкового аккаунта, чтобы оставлять неприятные для жертвы комментарии в социальных сетях и блогах	Создание фейкового аккаунта с целью поставить жертве «дизлайки», снижая таким образом рейтинг создаваемого жертвой контента
В школе	–	42,6%	31,6%	18,4%	25%	18,4%
Вне школы	–	44,8%	22,4%	25,6%	22,4%	21,6%
φ*	–	0,33	1,82	1,57	0,57	0,81
	Создание фейковых аккаунтов с целью посылать жертве оскорбления и угрозы	Отправка жертве сообщений, содержащих картинки, «мемы» или видео шокирующего/оскорбительного характера	Распространение о жертве неприятной, возможно, ложной информации	«Заваливание» жертвы неприятными сообщениями	Взлом аккаунта жертвы с целью отправки контактам жертвы компрометирующих и/или оскорбительных сообщений	Создание копии аккаунта жертвы с целью отправки компрометирующих и/или оскорбительных сообщений контактам жертвы
В школе	12,5%	27,9%	24,3%	26,5%	13,2%	11%
Вне школы	13,6%	24,8%	23,2%	25,6%	15,2%	16%
φ*	0,23	0,55	0,19	0	0,46	1,19

Анализируя данные по таблице 4, следует учитывать, что положительный ответ на вопросы предполагает призыв к вышеописанным действиям, а не сами действия, поэтому трудно сказать, какие из этих форм травли были в действительности осуществлены.

Судя по таблице 5, рядовые участники соглашались практически на все виды трав-

ли с примерно одинаковой частотой внутри и вне школьного коллектива. Легко объяснить, почему процент намеренного игнорирования выше внутри школьного коллектива, чем вне его: одноклассникам легче сговориться игнорировать жертву, чем участникам тематического сообщества, может быть, и незнакомым между собой в реальной жизни.

Таблица 4

Процент конкретных форм кибербуллинга в школьных коллективах и за его пределами среди подстрекателей

	Намеренное игнорирование в чатах и сообществах	Насмешки, «троллинг» и оскорбления в чатах и сообществах	Создание компрометирующих жертву фото- и видеоматериалов	Создание фейкового аккаунта с целью вступить в близкие отношения с жертвой и использовать это против жертвы	Создание фейкового аккаунта, чтобы оставлять неприятные для жертвы комментарии в социальных сетях и блогах	Создание фейкового аккаунта с целью поставить жертве «дизлайки», снижая таким образом рейтинг создаваемого жертвой контента
В школе	36,6%	34,1%	32,9%	24,4%	28%	25,6%
Вне школы	30,8%	36,5%	32,7%	28,8%	30,8%	32,7%
φ*	0,72	0,36	0	0,64	0,37	0,87

Продолжение таблицы 4

	Создание фейковых аккаунтов с целью посылать жертве оскорбления и угрозы	Отправка жертве сообщений, содержащих картинки, «мемы» или видео шокирующе/оскорбительного характера	Распространение о жертве неприятной, возможно, ложной информации	«Заваливание» жертвы неприятными сообщениями	Взлом аккаунта жертвы с целью отправки контактам жертвы компрометирующих и/или оскорбительных сообщений	Создание копии аккаунта жертвы с целью отправки компрометирующих и/или оскорбительных сообщений контактам жертвы
В школе	20,7%	24,4%	25,6%	23,2%	22%	20,7%
Вне школы	26,9%	25%	36,5%	25%	26,9%	25%
φ*	0,80	0,13	1,34	0,40	0,80	0,54

Среди рядовых участников процент оставления под фейковым аккаунтом «дизлайков», которые снизят рейтинг выкладываемого жертвой контента, значимо выше при кибербуллинге вне школы (см. табл. 5). Для объяснения этого факта требуется изучить важность для школьников рейтинга контента в сети Интернет. Возможно, «лайки» или «дизлайки» внутри школьного коллектива воспринимаются более лично, как отношение конкретных детей, а «лайки» и «дизлайки» от посторонних – как объективная оценка.

Хотя в том, что они были свидетелями

кибербуллинга в школе, признались больше человек, чем в том, что они были свидетелями кибербуллинга вне школы; практически все формы кибербуллинга вне школы встречаются чаще, чем аналогичные формы кибербуллинга в школе (см. табл. 6). Исключением является намеренное игнорирование, которое, по-видимому, действительно чаще распространено внутри школьного коллектива по причинам, которые обсуждались выше, и «заваливание» неприятными сообщениями, которые свидетелями кибербуллинга наблюдаются с равной частотой внутри и вне школьного коллектива.

Таблица 5

Процент конкретных форм кибербуллинга в школьных коллективах и за его пределами среди рядовых участников

	Намеренное игнорирование в чатах и сообществах	Насмешки, «троллинг» и оскорбления в чатах и сообществах	Создание компрометирующих жертву фото- и видеоматериалов	Создание фейкового аккаунта с целью вступить в близкие отношения с жертвой и использовать это против жертвы	Создание фейкового аккаунта, чтобы оставлять неприятные для жертвы комментарии в социальных сетях и блогах	Создание фейкового аккаунта с целью ставить жертве «дизлайки», снижая таким образом рейтинг создаваемого жертвой контента
В школе	51,8%	50,9%	22,3%	24,1%	23,2%	16,1%
Вне школы	36,4%	45,5%	28,6%	22,1%	16,9%	27,3%
φ*	2,19	0,81	1,09	0,32	1,01	1,82
	Создание фейковых аккаунтов с целью посылать жертве оскорбления и угрозы	Отправка жертве сообщений, содержащих картинки, «мемы» или видео шокирующе/оскорбительного характера	Распространение о жертве неприятной, возможно, ложной информации	«Заваливание» жертвы неприятными сообщениями	Взлом аккаунта жертвы с целью отправки контактам жертвы компрометирующих и/или оскорбительных сообщений	Создание копии аккаунта жертвы с целью отправки компрометирующих и/или оскорбительных сообщений контактам жертвы
В школе	17%	18,8%	17,9%	25,9%	17,9%	15,2%
Вне школы	16,9%	20,8%	18,2%	20,8%	18,2%	20,8%
φ*	0	0,34	0	0,80	0	0,51

Таблица 6

Процент конкретных форм кибербуллинга в школьных коллективах и за его пределами среди свидетелей кибербуллинга

	Намеренное игнорирование в чатах и сообществах	Насмешки, «троллинг» и оскорбления в чатах и сообществах	Создание компрометирующих жертву фото- и видеоматериалов	Создание фейкового аккаунта с целью вступить в близкие отношения с жертвой и использовать это против жертвы	Создание фейкового аккаунта, чтобы оставлять неприятные для жертвы комментарии в социальных сетях и блогах	Создание фейкового аккаунта с целью ставить жертве «дизлайки», снижая таким образом рейтинг создаваемого жертвой контента
В школе	60,3%	17,8%	52,2%	21,7%	26,4%	21,7%
Вне школы	46,5%	64,7%	60,6%	42,7%	45,6%	36,5%
φ*	3,38	12,01	2,19	5,45	5,06	3,99
	Создание фейковых аккаунтов с целью послать жертве оскорбления и угрозы	Получение жертвой сообщений, содержащих картинки, «мемы» или видео шокирующе/оскорбительного характера	Распространение о жертве неприятной, возможно, ложной информации	«Заваливание» жертвы неприятными сообщениями	Взлом аккаунта жертвы с целью отправки контактам жертвы компрометирующих и/или оскорбительных сообщений	Создание копии аккаунта жертвы с целью отправки компрометирующих и/или оскорбительных сообщений контактам жертвы
В школе	17,5%	29,7%	34,4%	44,7%	17,8%	14,2%
Вне школы	37,8%	41,5%	51%	49,4%	39,4%	32,4%
φ*	5,43	2,78	4,16	0,96	5,68	5,23

Заключение. При кибербуллинге в школьном коллективе фактически имеет место перенос школьной травли в Интернет, тогда как при кибербуллинге вне школьного коллектива учащиеся становятся жертвами посторонних людей, возможно, взрослых, а также, выполняя роль преследователей, нападают на незнакомых им в реальной жизни людей, среди которых также могут быть взрослые люди. Анонимность Интернета, подкрепляемая возможностью создавать ложные, «фейковые» аккаунты, дает ощущение вседозволенности преследователям и беззащитности жертвам. Однако, несмотря на это, результаты показывают, что учащиеся сталкиваются с внутришкольным кибербуллингом чаще, чем с кибербуллингом вне школьного коллектива. По-видимому, это связано с тем, что у агрессоров больше мотивации нападать внутри школьного коллектива, у подстрекателей больше влияния на рядовых участников, а у рядовых участников больше резонанса соглашаться на предложения подстрекателей. При этом доля агрессоров в кибербуллинге внутри школьного коллектива и вне его совпадает. По всей видимости, это связано с тем, что агрессор в данном опросе – тот, кто нападает сам, по своему желанию, а не по чьему-то предложению/приказу, и это

зависит в первую очередь от характера, а не от взаимодействия с остальным коллективом.

Следует помнить, что, отвечая на вопросы о создании фейковых аккаунтов с целью тем или иным образом причинить вред, жертва может ошибаться, приписывая враждебные аккаунты одноклассникам, тогда как на самом деле это могут быть основные или фейковые аккаунты посторонних людей.

При статистически большей частоте ролей кибербуллинга внутри школьного коллектива по сравнению с ролями вне его отдельные формы, как правило, указывают на прямой перенос офлайн-методов травли в онлайн при наличии возможности (бойкот, игнорирование); формы, присущие преимущественно онлайн-коммуникации, доминируют во внешкольной травле.

Рост значения дистантных образовательных форм заставляет считать проблему интернет-травли одной из критически актуальных. Требуется обучение школьников навыкам безопасного поведения в сети Интернет, развитие безопасных интернет-сервисов и служб психологической и технической поддержки онлайн. При этом следует иметь в виду, что некоторые формы травли (тот же бойкот) крайне трудно опре-

деляются мониторинговыми исследованиями; соответственно, в этом случае определяющее значение приобретают самооощущение и самооценка предполагаемого объ-

екта травли, а психологическое консультирование и поддержка – единственный способ купирования ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 3. – С. 177-191.
2. Бочкарева, Е. В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е. В. Бочкарева, Д. А. Стренин // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 91-97. – DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97.
3. Волкова, Е. Н. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова // Вестник Минского университета. – 2017. – № 3. – Р. 11. – DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17.
4. Кнышова, Л. П. Кибербуллинг как социально-педагогическая проблема / Л. П. Кнышова, А. И. Артюхина, В. И. Чумаков // Образовательный вестник «Сознание 2020». – 2020. – Vol. 22, № 4. – С. 5-9. – DOI: 10.26787/pudha-2686-6846-2020-22-4-5-9.
5. Соболевская, О. В. Привычное зло. Как распространяется школьный кибербуллинг / О. В. Соболевская. – Текст : электронный // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2021. – URL: <https://iq.hse.ru/news/310155222.html>.
6. Bastiaensens, S. “Were You Cyberbullied? Let Me Help You.” Studying Adolescents’ Online Peer Support of Cyberbullying Victims Using Thematic Analysis of Online Support Group Fora / S. Bastiaensens, K. van Cleemput, H. Vandebosch, K. Poels, A. DeSmet, I. De Bourdeaudhuij // Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People / ed. by H. Vandebosch, L. Green. – Springer, Cham, 2019. – doi.org/10.1007/978-3-030-04960-7_7.
7. Bastiaensens, S. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders’ behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully / S. Bastiaensens, H. Vandebosch, K. Poels, K. van Cleemput, A. DeSmet, I. De Bourdeaudhuij // Computers in Human Behavior. – 2014. – Vol. 31. – P. 259-271. – DOI: 10.1016/j.chb.2013.10.036.
8. Hidayati, E. The Anticipation of Schools Bullying / E. Hidayati, C. T. Cahyani, D. A. Rahayu, M. F. Mubin, T. Nurhidayati // South East Asia Nursing Research. – 2020. – Vol. 2, No. 4. – P. 25-31. – DOI: 10.26714/seanr.2.4.2020.25-31.
9. Kalender, M. K. Cyberbullying awareness in secondary and high schools / M. K. Kalender, H. K. Keser // World Journal on Educational Technology Current Issues. – 2018. – No. 10 (4). – P. 25-36.
10. Marzano, G. Cyberbullying and Real Reality. Society. Integration. Education / G. Marzano, V. Lubkina // Proceedings of the International Scientific Conference. May 2013. Vol. II. Rezekne, 2013. – P. 412-422. – DOI: 10.17770/sie2013vol2.598.
11. Mureşan, L. M. Bullying and Cyberbullying Proximal and Specific Differences in Middle Schools in Romania / L. M. Mureşan // European Proceedings of conference: Education, Reflection, Development. Seventh Edition. – 2020. – P. 536-544. – DOI: 10.15405/epsbs.2020.06.53.
12. Obermaier, M. Bystanding or standing by? How the number of bystanders affects the intention to intervene in cyberbullying / M. Obermaier, N. Fawzi, T. Koch // New Media & Society. – 2016. – No. 18 (8). – P. 1491-1507. – DOI: 10.1177/1461444814563519.
13. Schneider, S. K. Cyberbullying, School Bullying, and Psychological Distress: A Regional Census of High School Students / S. K. Schneider, L. O'Donnell, A. Stueve, R. W. S. Coulter // American Journal of Public Health. – 2012. – Vol. 102, no. 1. – P. 171-177. – doi.org/10.2105/AJPH.2011.300308.
14. Topcu, Ç. Cyber Bullying @ Schools: What do Turkish Adolescents Think? / Ç. Topcu, A. Yıldırım, Ö. Erdur-Baker // J. Adv Counselling. – 2013. – No. 35. – P. 139-151. – DOI: 10.1007/s10447-012-9173-5.
15. Tzani-Pepelasi, C. Comparing factors related to school-bullying and cyber-bullying / C. Tzani-Pepelasi, M. Ioannou, J. Synnott, S.-A. Ashton // Crime Psychology Review. – 2018. – No. 4. P. 11-25. – DOI: 10.1080/23744006.2018.1474029.
16. Wang, S. Effects of victimization experience, gender, and empathic distress on bystanders’ intervening behavior in cyberbullying / S. Wang, K. J. Kim // The Social Science Journal. Routledge. – 2021. – P. 1-10. – DOI: 10.1080/03623319.2020.1861826.
17. Yokotani, K. Aftereffect of Adolescents’ Experience of Cyber Bullying on Their Mental Health: A retrospective survey / K. Yokotani, N. Ban, J. Ayukawa, N. Itakura, K. Hasegawa // International Journal of Brief Therapy and Family Science. – 2014. – Vol. 4, no. 2. – P. 45-56.

REFERENCES

1. Bochaver, A. A., Khlomov, K. D. (2014). Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologii [Cyberbullying: Bullying in the Space of Modern Technologies]. In *Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*. No. 3, pp. 177-191.
2. Bochkareva, E. V., Strenin, D. A. (2021). Teoretiko-pravovye aspekty kiberbullinga [Theoretical and Legal Aspects of Cyberbullying]. In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*. Vol. 15. No. 1, pp. 91-97. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97.
3. Volkova, E. N., Volkova, I. V. (2017). Kiberbulling kak sposob sotsial'nogo reagirovaniya podroستkov na situatsiyu bulling [Cyberbullying as a Way of Adolescents’ Social Response to a Bullying Situation]. In *Vestnik Minskogo universiteta*. No. 3, pp. 11. DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17.

4. Knyshova, L. P., Artyukhina, A. I., Chumakov, V. I. (2020). Kiberbulling kak sotsial'no-pedagogicheskaya problema [Cyberbullying as a Social Pedagogical Problem]. In *Obrazovatel'nyi vestnik «Soznanie 2020»*. Vol. 22. No. 4, pp. 5-9. DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2020-22-4-5-9.
5. Sobolevskaya, O. V. (2021). Privychnoe zlo. Kak rasprostranyaetsya shkol'nyi kiberbulling [A Habitual Evil. How Schools' Cyberbullying Spreads]. In *Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»*. URL: <https://iq.hse.ru/news/310155222.html>.
6. Bastiaensens, S., van Cleemput, K., Vandebosch, H., Poels, K., DeSmet, A., De Bourdeaudhuij, I. (2019). "Were You Cyberbullied? Let Me Help You." Studying Adolescents' Online Peer Support of Cyberbullying Victims Using Thematic Analysis of Online Support Group Fora. In Vandebosch, H., Green, L. (Eds.). *Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People*. Springer, Cham. doi.org/10.1007/978-3-030-04960-7_7.
7. Bastiaensens, S., Vandebosch, H., Poels, K., van Cleemput, K., DeSmet, A., De Bourdeaudhuij, I. (2014). Cyberbullying on Social Network Sites. An Experimental Study into Bystanders' Behavioural Intentions to Help the Victim or Reinforce the Bully. In *Computers in Human Behavior*. Vol. 31, pp. 259-271. DOI: 10.1016/j.chb.2013.10.036.
8. Hidayati, E., Cahyani, C. T., Rahayu, D. A., Mubin, M. F., Nurhidayati, T. (2020). The Anticipation of Schools Bullying. In *South East Asia Nursing Research*. Vol. 2. No. 4, pp. 25-31. DOI: 10.26714/seanr.2.4.2020.25-31.
9. Kalender, M. K., Keser, H. K. (2018). Cyberbullying Awareness in Secondary and High Schools. In *World Journal on Educational Technology Current Issues*. No. 10 (4), pp. 25-36.
10. Marzano, G., Lubkina, V. (2013). Cyberbullying and Real Reality. Society. Integration. Education. In *Proceedings of the International Scientific Conference. May 2013. Vol. II*. Rezekne, pp. 412-422. DOI: 10.17770/sie2013vol2.598.
11. Mureşan, L. M. (2020). Bullying and Cyberbullying Proximal and Specific Differences in Middle Schools in Romania. In *European Proceedings of conference: Education, Reflection, Development. Seventh Edition*, pp. 536-544. DOI: 10.15405/epsbs.2020.06.53.
12. Obermaier, M., Fawzi, N., Koch, T. (2016). Bystanding or Standing By? How the Number of Bystanders Affects the Intention to Intervene in Cyberbullying. In *New Media & Society*. No. 18 (8), pp. 1491-1507. DOI: 10.1177/1461444814563519.
13. Schneider, S. K., O'Donnell, L., Stueve, A., Coulter, R. W. S. (2012). Cyberbullying, School Bullying, and Psychological Distress: A Regional Census of High School Students. In *American Journal of Public Health*. Vol. 102. No. 1, pp. 171-177. doi.org/10.2105/AJPH.2011.300308.
14. Topcu, Ç., Yıldırım, A., Erdur-Baker, Ö. (2013). Cyber Bullying @ Schools: What do Turkish Adolescent's Think? In *J. Adv Counselling*. No. 35, pp. 139-151. DOI: 10.1007/s10447-012-9173-5.
15. Tzani-Pepelasi, C., Ioannou, M., Synnott, J., Ashton, S.-A. (2018). Comparing Factors Related to School-Bullying and Cyber-Bullying. In *Crime Psychology Review*. No. 4, pp. 11-25. DOI: 10.1080/23744006.2018.1474029.
16. Wang, S., Kim, K. J. (2021). Effects of Victimization Experience, Gender, and Empathic Distress on Bystanders' Intervening Behavior in Cyberbullying. In *The Social Science Journal*. Routledge, pp. 1-10. DOI: 10.1080/03623319.2020.1861826.
17. Yokotani, K., Ban, N., Ayukawa, J., Itakura, N., Hasegawa, K. (2014). Aftereffect of Adolescents' Experience of Cyber Bullying on Their Mental Health: A Retrospective Survey. In *International Journal of Brief Therapy and Family Science*. Vol. 4. No. 2, pp. 45-56.